

встретили, ответ нам может дать символическая “немая сцена” из “Ревизора”.

¹ Цвайг Ст. Толстой (като религиозен и социален мислител) // Безсмъртните мисли на Толстой. София, 1940. С. 19—20.

² Цит по: Ломунов К. Драматургия Л. Н. Толстого. М., 1956. С. 23.

³ Бахтин М. Предисловие (Драматические произведения Л. Толстого) // Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 94.

⁴ Толстой Л. Що з изкуство. София, 1994. С. 227.

⁵ Щульц С. А. Символический подтекст в пьесе Л. Н. Толстого “Власть тьмы” // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 9, Филология. 2001. № 5. С. 15.

С. А. Ломакина

ЭВОЛЮЦИЯ СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ГЕРОЕВ В ПОЗДНЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Л. ТОЛСТОГО

Описать внутренний мир героя — значит представить при помощи поэтических средств его душевное состояние. Воспроизведение этого мира включает в себя ряд элементов (эмоции, чувства, мысли, переживания), образующих психологически достоверную картину действительности.

Принципом организации художественных элементов в некое единство, оказывающим на читателя непосредственное эстетическое воздействие, воспринимающимся как нечто особое, присущее данному художественному творению и отличающим его от многих других, выступает психологизм. Наличие психологизма и особенно его характер определяет то, что мы называем творческой индивидуальностью писателя. Под психологизмом мы понимаем достаточно полное, подробное и глубокое изображение чувств, мыслей и переживаний вымышленной личности с помощью специфических средств художественной литературы¹. Роль психологизма — связующая, так как это особое эстетическое свойство, пронизывающее и организующее все элементы, формы, все строение произведения.

Психологизм — это преобладающая особенность поздней поэтики Толстого, и поэтому практически во всех исследовательских работах о творчестве писателя этот вопрос так или иначе

затрагивается. Много работ посвящено непосредственно психологическому анализу произведений Толстого. Это — сфера интересов толстоведов и XIX в., и наших дней.

Следует сказать, что почти все произведения Толстого содержат информацию о внутреннем мире действующих лиц. Но психологизм как особенность художественного произведения возникает далеко не всегда. О психологизме, по мнению А. Б. Есина, можно говорить только в том случае “когда психологическое изображение становится основным способом, с помощью которого познается изображенный характер; когда оно несет значительную содержательную нагрузку, в огромной мере раскрывает особенности тематики, проблематики и пафоса произведения; когда оно достаточно велико по объему”².

Герой Толстого — это система, которая характеризуется целостностью, структурной и функциональной организацией частей, сложностью различных взаимодействий. Непрерывный поток впечатлений не только объединяется человеческим “я”, осознающим себя личностью, “но эта личность оформляет себя — внутри и вовне — образами”. В результате появляется проблема во взаимоотношениях между “постоянными образами и образами моментальными, возникающими из приходящих ситуаций”³. Другими словами, перед нами “литературный психологизм”, с обязательным столкновением между собой образов, которые иногда вступают в противоречия.

Уникальность, неповторимость героев позднего Толстого тесно связаны с проблемой психологического самовыражения.

Психологическое самовыражение — это, на наш взгляд, эволюция нравственно-философских, этических основ личности героя, это движение к проявлению индивидуальности (осознанное, неосознанное), проживание ситуаций, способствующих большому духовному развитию и повышающих возможности выживания в новых условиях, где происходит взаимодействие “я” и “всех”, и в новых ролях (столица — монастырь, офицер — монах, женатый — одинокий и т.д.).

Именно психологическое самовыражение, как основополагающий компонент поэтики позднего Толстого предопределяет у героев готовность к отказу от привычных схем и стереотипов поведения, восприятия и мышления — готовность к самоизменению. Однако до сих пор психологическое самовыражение героев не стало прямым предметом изучения.

Каждый герой индивидуален, а индивидуальность — неповторимое своеобразие психики каждого человека, осуществляюще-

го свою жизнедеятельность в качестве субъекта развития общественно-исторической культуры.

Ученые-психологи отмечают, что литературный герой — “это отдельный самобытный мир, который, будучи включен в окружающий его мир, в ту или иную структуру, сохраняет при этом относительную автономность, это сложная самостоятельная система, жизнедеятельность которой регулируется ее внутренними критериями”⁴.

Следовательно, для того чтобы анализировать психологическое самовыражение героев как особенность поэтики позднего Толстого, необходимо помнить, во-первых, о неповторимом своеобразии каждого героя, во-вторых, о его стремлении к становлению собственной индивидуальности, которая проявляется в чертах характера, в специфике интересов, в мотивах поведения, что дает ему возможность “своеобразным способом проявить себя в окружающем мире. Он является автономным субъектом сознания и деятельности, способным к самоопределению, саморегулированию, самосовершенствованию в условиях общества”⁵.

Но сам по себе отдельно взятый персонаж — ничто. Если в момент создания “Войны и мира” для Толстого существовала личность, “резко индивидуальная и крупномасштабная”, и “потому возникла проблема взаимодействия ее с миром”⁶, то в позднем творчестве писателя мы видим иной взгляд на отношение личности к миру и окружающей действительности: “...Личность есть ограничение. Человек чувствует себя личностью только потому, что он соприкасается с другими личностями. Если бы человек был один, он был бы не личностью. Эти понятия взаимно определяются: внешний мир, другие существа и личность. Не было бы мира других существ, человек не признавал, не чувствовал себя личностью, он не признавал бы существование других существ. И потому человек среди мира немыслим иначе как личность”⁷. Теперь писатель стремится не только показать крупным планом индивидуальность, а раскрыть человека “во всей многоплановости, во всем его богатстве души”.

Герой Толстого живет в мире, мир же живет в нем, наполняя его своими проблемами, переживаниями, конфликтами, заставляя постоянно искать и находить какие-то решения, чтобы не потеряться в нем. При этом личность развивается и совершенствуется: “Чем больше тратить, тем больше дается”, “Капля сливается с большей каплей, перестает быть и начинает быть”. Так происходит, по мнению Толстого, взаимодействие “я” и “все”. Но “все” — движение. Человек сам непрестанно

движется, “и потому все ему объясняется только движением”⁸. Чтобы не слиться в этом общем движении, надо как-то заявить о себе, проявить себя, выдвинуться, показать, что “Я” содержит большие возможности, потому, что “я” всякую минуту другой и все тот же”⁹. “Человек не стоячая, а бесконечная возможность. От этого-то он и дорог”, — пишет Толстой в дневнике¹⁰. И именно поэтому почти все герои Толстого постоянно в поиске, в стремлении как-то выявить себя, реализовать свой огромный потенциал. Самовыражение осуществляется в процессе реализации собственной индивидуальности, а человеческая индивидуальность проявляется только в процессе межличностного общения (прямого или опосредованного) и всегда в той или иной мере является предъявлением своей индивидуальности окружающей действительности.

Герои Толстого вынуждены реагировать на постоянно происходящие в обществе изменения, но часто они бывают не готовы к ним. Для того чтобы выжить в ситуации постоянных изменений, чтобы адекватно на них реагировать, герой должен активизировать весь свой жизненный потенциал, непрерывно действовать. Быть постоянно изменяющимся в изменяющемся мире, переживать духовную эволюцию — это, собственно, и есть самовыражение, проявление своей неповторимости, уникальности. Осознание собственной уникальности непосредственно связано с переживанием своего соответствия жизни, с пониманием ее осмысленности.

Характеристика самовыражения, с нашей точки зрения, и предметна (основными предметными характеристиками являются: внешний вид, быт и т.д.), и процессуальна (личностные черты, привязанности, суждения и предпочтения, человеческие мысли, чувства и действия, межличностные отношения и закономерности развития мира).

Основными процессуальными условиями самовыражения являются следующие: самовыражение рассматривается в процессе субъектно-субъектного взаимодействия (“я” — “я”); самовыражение всегда адресовано в той или иной мере другому человеку (“я” — “другой”); самовыражение всегда обусловлено взаимодействием с социальной действительностью (“я” — “общество”); самовыражение проявляется в мировоззренческой позиции субъекта и его отношении к миру (“я” — “мир”).

Эти условия обеспечивают психологическое самовыражение как реализацию собственной индивидуальности.

Для того чтобы индивидуальность героя была предъявлена,

она, во-первых, должна быть доказана при помощи определенных поэтических средств, позволяющих увидеть эту индивидуальность; во-вторых, реализована в определенной ситуации, в которой такое предъявление возможно: “Для меня главное — душевная жизнь, выражающаяся в сценах”¹¹; в-третьих, эта индивидуальность должна быть в той или иной мере осознана героем.

В Дневнике в 1896 г. Толстой пишет: “Главная цель искусства... та, чтобы проявить, высказать правду о душе человека, высказать такие тайны, которые нельзя высказать простым словом. Искусство есть микроскоп, который наводит художник на тайны своей души и показывает эти общие всем людям тайны”¹². Эта дневниковая запись Льва Толстого говорит о некоторой доле аутопсихологизма в его поздних произведениях. Необходимо изучить собственные душевные переживания и чувства, чтобы достоверно показать людские. И недаром Чернышевский в своей работе о Толстом писал: “Кто не изучил человека в самом себе, никогда не достигает глубокого знания людей”¹³. Но одного авторского самонаблюдения недостаточно для реального воспроизведения внутреннего мира героев. Настоящий художник слова, по мнению Толстого, должен жить в воображении, жить своей жизнью “и жизнью людей, стоящих на разных ступенях...”¹⁴.

Писатель умеет присоединиться к душевному состоянию своего героя, увидеть окружающий мир его глазами и думать его мыслями, особенно если жизненные пути героев близки ему самому.

Особенности психологического самовыражения героев позднего Льва Толстого обусловлены его взглядами на человеческую сущность: “Я убежден, что в человека вложено бесконечное не только моральное, но даже физическое, бесконечная сила, но вместе с тем на эту силу положен ужасный тормоз — любовь к себе или скорее память о себе, которую производит бессилие. Но как только человек вырвется из этого тормоза, он получает всемогущество”¹⁵. Стремление к такому “всемогуществу” и свойственно героям позднего Толстого. Человек может открыть свое “я” в той мере, в какой он открыт своим собственным чувствам. Это может звучать несколько странно, так как предполагается, что человек всегда знает, какие чувства испытывает, ибо они известны только ему одному. Но известно и то, что многие чувства социально воспитываются, и мы знаем, что “принято испытывать” в данной ситуации, а что не принято. Открытость собственным чувствам означает, что человек знает, как называ-

ется определенное состояние, что он осознает причины, его вызывающие, и может предвидеть ход развития данного чувства. Зная, что это за чувство, осознавая его зарождение и предчувствуя его дальнейшее развертывание, “человек может прогнозировать свои дальнейшие действия”¹⁶. Именно это и происходит с Иваном Ильичом, Степаном Касатским, Иртeneвым, Холстомером, которого автор наделяет всей глубиной и сложностью человеческих чувств.

Рассмотрим особенности психологического самовыражения героя с точки зрения эволюции субъектно-объектных отношений. Жизнь героев разных повестей позднего Толстого на этапе “я” — “я” обнаруживает громадное сходство и, в сущности, слагается из одних и тех же компонентов, детерминирующих стремление к самосовершенствованию. Перед читателем проходит большая часть жизни героя за сравнительно небольшой промежуток времени. Мы узнаем, что и Касатский, и Головин, и Иртeneв мечтают о честной, праведной жизни, имеют идеалы для подражания, следуют этим идеалам. Автор без ограничения вводит читателя во внутренний мир героя, показывает подробно его мечты и желания. Для писателя нет тайн в душе героя — он знает о нем все, рассказывает о тех душевных движениях, в которых тот сам не хочет себе признаваться. Но одновременно с этим автор так тонко интерпретирует внешнее поведение героя, что с первых страниц произведения перед читателем проявляется фигура, полная противоречий, ищущая и не находящая для себя ответов в жизни своего идеала. Герой сам стремится к более полному совершенствованию.

В повести “Смерть Ивана Ильича” три главы из двенадцати посвящены описанию жизни Головина с рождения до сорокапятилетнего возраста, т.е. показан жизненный путь до его болезни. Несмотря на то, что это описание составляет почти одну вторую часть содержания повести, мы не видим жестов и мимики лица, говорящих об отношении героя к происходящему, нет ни внутренних монологов, раскрывающих душу героя (это будет потом, в конце жизненного пути, в ожидании смерти), нет даже диалогов, позволяющих судить о взаимоотношениях между персонажами. Другими словами, мы не видим непосредственного проявления чувств, эмоций, переживаний, но все-таки говорим о психологическом самовыражении героя. И, если вспомнить Н. Г. Чернышевского, то “особенность графа Л. Н. Толстого состоит в том, что его интересует не ярко выраженный психический процесс, а едва уловимые явления этой внутренней жизни,

сменяющиеся с чрезвычайной быстротой и неистощимым разнообразием”¹⁷, которые мастерски изображаются Львом Толстым при помощи едва уловимой поэтической детали.

В том и состоит одна из особенностей Толстого, когда через авторское восприятие образа, манеру жизнеописания, поэтические детали осуществляется психологическое самовыражение героев.

Прежде всего самовыражение разворачивается в процессе субъектно-субъектного взаимодействия (“я” — “я”, “я” — “другой”), что характерно для исходной и типичной ситуаций. Время здесь как бы сгущается, уплотняется или растягивается, становится художественно-зримым. Большая часть жизни героя вмещается в сравнительно небольшой промежуток художественного времени. Напротив, кризис и прозрение, например, Ивана Ильича занимает большую часть повести (11 глав).

Жизнь Ивана Ильича предстает перед читателем с детских лет и до зрелости. Перед нами “гордость семьи”, он “строго выполняет то”, что считает своим долгом. Герой с детства живет целенаправленно. Но авторские пояснения к этой части вносят напряженные нотки в повествование и пунктирно предопределяют будущий личностный конфликт. “В правоведении УЖЕ он был тем, ЧЕМ он был впоследствии всю свою жизнь: человеком способным, весело-добродушным и общительным”. Толстой иронизирует и лишает своего героя одушевленности. Далее противоречивость характеристики усиливается. “Долгом он считал все то, что считалось таковым наивысше поставленными людьми”¹⁸. Даже то, что он внутренне, наедине с собой считал гадким и отвратительным, принималось Иваном Ильичом, потому что это признавалось и совершалось “высоко стоящими людьми и не считалось ими дурным”. Уже в юношеские годы он теряет чуткое и доброе свое “я” в стремлении к чужой жизни, к чужому мнению. Мельчайшие детали жизни Головина данного периода доказывают это. Толстой удивительно точно показывает “двойственность” характера, используя при этом двойные сравнения: “он, как муха к свету”, тянулся к людям. Это двойное сравнение раскрывает противоречивую натуру Ивана Ильича ярко и точно. С одной стороны, тяга к свету, к чему-то чистому, новому, а с другой — муха, не птица, не дерево, а именно “муха” — что-то надоедливое, неприятное, гадкое. С одной стороны, положительная характеристика, а с другой — обесценивание образа.

Подобная ирония вызывает различные психологические ассо-

циации, совершенно субъективные и произвольные, не оправдываемые и не подсказываемые контекстом. Метафорическое употребление слов, разрушая их логическое содержание, пробуждает эмоциональное восприятие, направленное определенным образом. Такое восприятие приводит к тому, что Томашевский называет “реализацией метафоры”¹⁹, т.е. к попытке осмыслить и примирить слова в их первичном и переносном значении. Реализация метафоры приводит обычно к осознанию абсурдной противоречивости слов и производит комический эффект, высвечивая те черты и качества героя, которые получают свое развитие во внутриличностном конфликте.

Толстой намеренно создает визуально яркую, положительную характеристику, предполагая полную антитезу внешнего рисунка позиции и портрета героя (Иван Ильич “прилично веселился”, представлял собой “высокую порядочность”, был “замечательно правдив”). Авторская оценка создается ироническим подтекстом. Введенный Толстым поэтический прием усиливается многократным повторением эпитета (“прилично веселился”, “приличный человек”, “приличные отношения”). В данном контексте перед нами не просто эпитет, а метафорический эпитет, — и потому прямое значение слова осознается весьма неочетливо, фигурирует же переносное значение. “Была и связь с одной из дам...; была и модистка; были и попойки с приезжим флигель-адъютантом и поездки в дальнюю улицу...; было и подслуживание начальнику и даже жене начальника, но все это носило на себе такой высокий тон *порядочности*, что все это не могло быть называемо дурными словами... Все происходило с *чистыми* руками, в *чистых* рубашках, с французскими словами и, главное, в самом высшем обществе, следовательно, с *одобрением* высокостоящих людей” (курсив наш.— С.Л.).

Даже такой момент в жизни героя, как женитьба, писатель сопровождает двойственными определениями. С одной стороны, это серьезный шаг в жизни героя, а с другой — очередная “забава” для отдыха от трудов следователя, с которой Иван Ильич установил игривые, легкие отношения. Герой живет как бы двумя жизнями — для себя и для кого-то другого: “...Иван Ильич женился потому, что он полюбил невесту”, но в то же время “он делал приятное для себя, приобретая такую жену, и вместе с тем делал то, что наивысше поставленные люди считали правильным”.

Автор пытается раскрыть “я” героя в той мере, в какой он открыт собственным чувствам, но, как уже говорилось, многие

чувства социально воспитываются тем, что их с детства объясняют, общественные стереотипы указывают, что принято испытывать в данных ситуациях, а что не принято. “Я” героя, воспитанное с детства на этих стереотипах, сталкивается с условиями общества и принимает их, вопреки своему нравственному завету: с одной стороны, это делать не подобает, а с другой — так поступают “наивысше поставленные люди”. Противоречия в итоге определяют открытый конфликт героя с самой собой.

Выявлению противоречий героя помогает также *его скрытый монолог* — не словесный, не всегда осознаваемый, но определяющий поведение человека и создающий уникальность его реагирования на какие-либо воздействия. Следствие скрытого монолога — изменение поведения героя. Мы наблюдаем постоянно, как в новых условиях появляется новый Иван Ильич: “по-новому поставил себя и принял несколько иной тон” или “принял тон легкого недовольства правительством, умеренной либеральности и цивилизованной гражданственности”. Естественно, такие решения были приняты героем не сразу, после долгих раздумий, но писатель их не показывает, на наше суждение выносит только результаты, тем самым активизируя ассоциативное течение мыслей читателя в связи с предшествующими переживаниями героя.

С другим героем Толстого — Степаном Касатским (“Отец Сергей”), мы знакомимся, когда он занят устройством своей жизни. Этот герой не останавливается в своем развитии, он постоянно в поиске смысла жизни. Личное дело и личные проблемы Касатского выражаются в поисках им места в общественной жизни. С самого детства ему все удавалось, так как мальчик “выдавался блестящими способностями и огромным самолюбием, вследствие чего он был первым и по наукам”. Но в процессе субъектно-субъектного взаимодействия (“я” и “я”) уже зреет внутрличностный конфликт, который впоследствии приведет к переосмыслению всего жизненного пути: “...по поведению он был бы образцовым кадетом, если бы не его вспыльчивость” или “он не пил, не распутничал и был замечательно правдив. Одно, что помешало ему быть образцовым, были находившие на него вспышки гнева, во время которых он совершенно терял самообладание и делался зверем”. Перед нами опять двойственность в поведении героя. Такие противоречивые, смыслодержательные характеристики определяют путь к внутрличностному конфликту.

Личный вопрос героя решается не в узких рамках его жизни, а на широкой арене общественного бытия, в попытках осмысления своего человеческого назначения: “внутри его шла сложная и напряженная работа — достигать совершенства и успеха, вызывающего похвалы и удивление людей”. Герой стремится к реализации своих идеалов. Он постоянно проверяет свои мысли на практике, в самой жизни (“почувствовав раз в светском разговоре свой недостаток общего образования, задался мыслью пополнить его и засел за книги, и добился чего хотел. Потом он задался мыслью достигнуть блестящего положения в высшем светском обществе и очень скоро достиг того...”) для того, чтобы испытать их верность.

На этапе субъектно-субъектного (“я” и “я”) взаимодействия мы не видим ни чувств героев, ни их переживаний, ни их эмоциональных проявлений. Перед нами люди, которые совершают поступки, живут так, как было запланировано жизнью общества, в котором они обитают.

В “Дьяволе” перед нами герой, которого, как и Касатского, “ожидала блестящая карьера”, но волей обстоятельств он “решил выйти в отставку, поселиться с матерью в деревне и заняться хозяйством”. Живет и действует Иртенев не по своей воле. Все решения как-то ненавязчиво принимают другие. Сосед по имени посоветовал поселиться в деревне, хозяйство он ведет так, как было при деде (“...его мечты и идеал были в том, чтобы воскресить ту форму жизни, которая была... при деде”, “...старался воскресить общий дух в жизни деда”). В отличие от Степана Касатского, Иртенев совершенен во всем: “Сил было много у Евгения — сил физических и духовных”. Физически он был хорош, “духовный же облик его был таковой, что, чем больше кто знал его, тем больше любил”. “Вообще вся его личность много помогала ему в его делах”. Однако Толстой, величайший художник слова, незаметно вводит в такой идеальный образ едва уловимые детали, характеризующие особенности психологического самовыражения, — парадоксальные сопоставления. Хозяйство Иртенев ведет “горячо” и в то же время “осторожно”. Относится он к тем молодым людям, “которым хочется жить, но которые не думают и не имеют времени подумать о том, как надо жить и которые поэтому избирают себе за образец ту жизнь, которая была”. Такие характеристики меняют фон повествования, внося в него более напряженные оттенки, которые заставляют по-другому посмотреть на героя.

Жизнь для Иртенева и других героев позднего Толстого пол-

на значения и смысла тогда, когда она проходит в труде и усилиях, созидających общее благо. К такому выводу приводит логика толстовских художественных образов.

В поздних произведениях Льва Толстого герои показаны в их многоплановости, в широком психологическом диапазоне. Писатель ставит своих персонажей в различные жизненные ситуации и поворачивает их разными сторонами, постепенно выявляя их свойства и процесс происходящих изменений, особенно в драматической кульминации, в критические переломные моменты их развития.

Герой не может существовать один (исходная ситуация), так как в одиночестве невозможно полное раскрытие всех черт человека. Так, в жизни Головина появляется “другая” (близкий, но все равно другой, “чужой” человек), которая вмешивается в его устоявшуюся жизнь (типичная ситуация). Создается положение, способствующее возникновению определенных переживаний, как приятных, так и неприятных (страх, тревога, разочарование). Жить и не переживать больше нельзя: “Но тут... явилось что-то такое новое, неожиданное, неприятное, тяжелое и неприличное, чего нельзя было ожидать и от чего никак нельзя было отделаться”. И эта “другая” — жена, которая всегда рядом, с которой невозможно лицемерить, так как он постоянно на виду. Естественно, отрицательные переживания всегда вызывают ожидание оценки со стороны “другого”. Однако проявление их вслух может вызвать также отрицательную оценку. И пока герой в раздумьях, эта “другая” (жена) начинает оказывать влияние на его жизнь. Несобственно-прямой речью автор выражает свою оценку происходящего, соединяя ее с оценкой героя (“Жена.., как он говорил себе, начала нарушать приятность и приличие жизни”).

Толстой не дает больше готовых результатов раздумий героя, а показывает долгий путь рассуждений, умственной работы, т.е. поиска выхода из ситуации, в которую попал (чего не было в прежней жизни Головина). Именно жена помогает герою начать осознавать свои чувства во взаимодействии с другими людьми, помогает осознать свое право на собственное уникальное реагирование. “Сначала Иван Ильич надеялся освободиться от неприятности этого положения тем самым легким и приличным отношением к жизни, которое выручало его прежде... — он продолжал жить по-прежнему легко и приятно”. Но из этого ничего не получилось. Отрицательная оценка со стороны жены “приличной” жизни была так сильна, что “Иван Ильич ужаснулся.

Он понял, что супружеская жизнь не содействует всегда приятностям и приличию жизни, а, напротив, часто нарушает их и что поэтому необходимо оградить себя от этих нарушений. И Иван Ильич стал осмысливать средства для этого”. Эмоциональная реакция героя на “другого” привела к поиску психологической безопасности, к решению, что отношение к супружеской жизни должно быть таким, как и отношение к службе, ибо только на службе он исполняет свой долг, “то есть ведет приличную, одобряемую обществом жизнь”. И после года общения с “другим” он выработал свою стратегию (ситуация примирения): “Он требовал от семейной жизни только тех удобств домашнего обеда, хозяйки, постели, которую она могла дать ему, и, главное, того приличия *внешних* форм, которые определялись общественным мнением. В остальном же он искал веселые приятности и, если находил их, был очень благодарен; если же встречал отпор и ворчливость, то тотчас же уходил в свой отдельный, выгороженный им мир службы и в нем находил приятность”.

Итак, в результате взаимодействия с “другим”, герой столкнулся с трудностями жизни и вынужден был проявить личную инициативу. Решение жизненных проблем привело Ивана Ильича к утверждению первоначального мнения — жить необходимо, следуя образцам. Несмотря на то, что результат не изменился, мы видим, что общение с “другим” заставило героя проявить свои чувства, переживания, осознать свою индивидуальность, понять, что есть люди с иной точкой зрения на жизнь.

Подобная ситуационная модель создается в “Отце Сергии”. Степан Касатский также потерпел неудачу, когда пошел на контакт с другим. Его попытка жениться на девушке из высшего круга закончилась крахом. В итоге Касатский пересматривает свои идейные позиции, углубляется в познание самого себя: “Поступая в монахи, он показывал, что презирает все то, что казалось столь важным другим и ему самому в то время, когда он служил”. Субъективное человеческое чувство стало обогащаться и дополняться объективной ценностью действительности. Писатель изображает душевные переживания героя, обращая при этом внимание на его социальную сущность. В бесчисленных конкретных формах самоутверждения и самовыражения обнаруживается присущее всему живому стремление к достижению максимальной полноты жизни, доступной в данных условиях существования. “Среди высших потребностей человека следует выделить сильнейшую потребность выразить себя, проявить и развить”, — убеждает ученый-психолог²⁰.

Стремление Касатского бежать от общества выявляет конфликт между тенденцией “быть вне” людей и противостоящей ей, хотя и очень ослабленной, тенденцией “быть с ними”, который вылился в компромиссную установку “быть над людьми”; она как раз соответствовала соотношению сил этих стремлений: ведь хотя “над” — это отчасти и “вместе с”, но все-таки в значительно большей степени “вне”. Сначала “стремление отличиться наполняло его жизнь”, потом “он стал монахом, чтобы стать выше тех, которые хотели показать ему, что они стоят выше его” и даже считал себя “необыкновенным угодником и прямо чудотворцем”.

Свое непосредственное психологическое выражение этот компромисс нашел в обостренной гордости Касатского. “Одна сестра, такая же гордая и честолюбивая, как и брат, понимала его”, старец постоянно говорил ему о том, что вспышки гнева происходят из-за его гордости.

Такова была психологическая почва, на которой могла “приняться” идея “быть над людьми”: гордость обещала обеспечить психологическую выносливость подобного бытия. Но следует заметить, что этот процесс сопровождался мучительной нравственной борьбой героя со своим “величием”. Чем ближе она подходила к завершению, тем решительнее становились действия героев и тем сильнее — внутреннее сопротивление этой идее со стороны совести, подобно тому, как все более и более возрастает сопротивление пружины по мере ее сжимания. Достигнув “высших” кругов, Касатский уходит в монастырь; достигнув “совершенства” в монастыре, он становится затворником; став “необыкновенным угодником и чудотворцем”, отец Сергей оставляет келью. Этот внутренний спор так и не был принципиально решен сознанием в пользу “быть над” (достаточно вспомнить, в каком состоянии был Касатский, узнав правду о невесте, а особенно переживания отца Сергея по поводу сцены с игуменом и генералом и после ночи с Марией, дочерью купца). Даже сами поступки, ведущие к осуществлению этой идеи “высшего совершенства”, не только не разрешили ее, но сила свершившегося греха лишь закрепила в его душе эту сжатую до отказа пружину нравственной борьбы, оставив ее колебания в самом невыносимом по напряженности состоянии: “Да, надо кончить, нет бога. Как покончить? Броситься? Умею плавать, не утонешь. Повеситься? Да, вот кушак, на суку”. Это показалось так возможно и близко, что он ужаснулся”.

Если до грехопадения отец Сергей принужден был строить

общение с другими, “болея” идеей “подняться над людьми”, дорожа мнением о себе (“радовался тем восхвалениям, которые окружали его”), и демонстрировать психологическую выносливость (“отец Сергей подумал о том, как тяжела его деятельность и как, несмотря на то, он покорно несет ее, тяжело вздохнув...”), то теперь он отягощен фактом совершенного греха (“Неужели все это было? ... С ужасом взглянул он на нее”).

Идея Касатского, его мечта об идеальном совершенствовании распалась под воздействием других. Она была прервана реальным поступком. Вся его жизнь, его идея возвыситься над другими, созданный им образ страстотерпца разрушились, и “опять ему страшно стало”. Обрывается временная преемственность сознания: он понял, что не может так же теперь мыслить и жить. То время, когда “уничтожалась его внутренняя жизнь и заменялась внешней”, прошло. Нарушилось его общение с самим собой, с людьми. В душе появился страх.

Страх возник и в душе героя “Дьявола”, Иртенева, в результате его общения с другими. Мы видим, что этот герой, как Касатский и Головин, не может оставаться один, для общения ему необходим “другой”. Но в отличие от них Евгению Иртеневу нужен “другой” так, чтобы “никто о нем не знал, и не для разврата, а только для здоровья”. И опять противоречивость: если это необходимо для здоровья, если это было всего лишь для “благополучия”, то почему Евгений успокаивает себя, почему “ему стало еще беспокойнее”? Неосознанно он понимает, что это безнравственно. И после встречи со Степанидой, именно по этой причине, опять возникает двойственность в поведении: с одной стороны “все было хорошо”, он был доволен”, с другой — “стыд был...”. До появления в жизни Иртенева “другого”, ему были чужды эти двойственные чувства. Для того чтобы жить “по образцу”, не нужно было задумываться, но ведь Иртенев “не имел времени думать о том, как надо жить”. И только как результат взаимодействия с “другим”, ему стало казаться, “что он не выдержит. Появляется страх: “не сумел доделать того, за что взялся”, появляется тревога, начинаются переживания. И снова чужая рука решает все вопросы: женитьба, ребенок, выборы в собрание. Но все эти события происходят без чувств, без эмоционального напряжения, потому что опять отсутствует индивидуальная деятельность.

И только там, где герой действует сам, без “чужой руки”, возникают и чувства, и переживания. Именно в этот отрезок времени действует особый “язык чувств”. Здесь он представлен

широко и многогранно. Деятельность героя наполняется сложным психологическим содержанием и показывается в процессе общения, в установлении взаимопонимания с самим собой и с “другим”... ..Детально изображен “зрительный разговор” героя с “другим” (“Он был недоволен тем, что заметил ее, а вместе с тем не мог оторвать от ее покачивающегося ловкой, сильной походкой босых ног тела, от ее рук, плеч... “Да что же я смотрю”, — сказал он себе, опуская глаза, чтоб не видеть ее... И он повернулся назад к себе в комнату: но не успел пройти пяти шагов, как, сам не зная, как и по чьему приказу, опять оглянулся, чтобы еще раз увидеть ее. Она заходила за угол и в то же мгновение тоже оглянулась на него. “Ах, что я делаю”, — крикнул он в душе... Он не смотрел на нее. Кроме того, он видел по блеснувшему ее взгляду, что она видит его и видит то, что он любит ее. Он постоял, сколько нужно было для приличия... и отошел. Он ушел, чтобы не видеть ее, но, взойдя на верхний этаж, он, сам не зная, как и зачем подошел к окну и ... смотрел, смотрел на нее, упивался ею... Во-первых, она поняла его, она думала, что он хочет видеть ее, и она желает этого”.

Раскрывается смысл выражения лица (“...старался иметь веселый, беспечный вид”), взора, улыбки, голоса, телесной экспрессии (“Его страшно удивило и огорчило это неожиданно проявившееся в нем скверное чувство. Он ни разу с тех пор не испытывал этого чувства... Он знал, что стоило ему столкнуться с ней где-нибудь близко в темноте, если бы можно прикоснуться к ней, и он отдастся своему чувству”). Имеет место перевод выразительных движений в слова (“Он, как будто гуляя, остановился тут, закуривая папироску. Баба-соседка увидела его, и он, проходя назад, услышал, как она говорила: — Иди, дожидается, сейчас умереть, стоит”). Толстой дает психологический анализ поз и положений в динамике, ситуативных и устойчивых черт характера, их сложной психологической структуры (“Раза два он покосился на нее и почувствовал, что опять что-то, но не мог дать себе отчета. Только на другой день, когда он опять поехал на гумно хутора и пробыл там два часа, чего совсем не нужно было, не переставая глазами ласкать знакомый красивый образ молодой женщины, он почувствовал, что он погиб, погиб совсем, безвозвратно”).

Все эти характеристики получили художественное воплощение в повести “Дьявол” и служат для более полного психологического самовыражения личности.

Герой вступает не только в межличностное общение (“я” — “другой”), он живет в обществе, живет по подобию этого общества, нашел свое место в нем, т.е. играет определенную роль (“я — общество”). Он приходит к пониманию, что любое дело выполняется благодаря тому, что существуют правила и нормы, которые сначала формировались интуитивно, а затем укреплялись. Входя в общество, герой попадает в мир установившихся норм и правил, обеспечивающих реализацию совместной деятельности; один из выборов, перед которым стоит человек, заключается в том, следовать или не следовать им. После того как выбор сделан, результатом чего стало вхождение в общество и взаимодействие с ним, сам ход этого взаимодействия может быть различным, может привести к различным эмоциональным состояниям. Герой приходит к осознанию того, что законы, нормы и правила обуславливают определенные роли и что выполнение этих ролей в соответствии с ролевым предписанием позволяет прогнозировать определенное поведение со стороны других людей и обеспечивает свое собственное удовлетворительное состояние.

Мы видим, что Иван Ильич (“Смерть Ивана Ильича”), обладающий ярко противоречивым характером, был приятен в обществе. Толстой показывает, как под воздействием внутренних (осознание жизни отца, братьев и своей) и внешних (жизнь “наивысше поставленных людей”) факторов у героя создается установка к определенному поведению. Общим результатом функционирования такой установки является то, что под ее воздействием в сознании и поведении героя формируется определенная позиция относительно действительности. Она заключается в отстранении от всего, что прямо или косвенно касалось бы внутреннего мира Ивана Ильича, созданного им по чужому подобию “я”. Не должно быть ничего, что привело бы к изменению этого “я”, которое в данный момент устраивает и героя, и окружающих его людей. “Иван Ильич очень быстро усвоил прием отстранения от себя всех обстоятельств, не касающихся службы и облечения всякого самого сложного дела в такую форму, при которой бы дело только внешним образом отражалось на бумаге и при котором исключалось совершенно его личное воззрение и, главное, соблюдалась бы вся требуемая формальность”.

Эта позиция, выбранная героем (соответствующая нашей концепции типичной ситуации), характеризует всю его деятельность и на службе, и в общественных местах: “сдержан” и “игрив”, “официален” и “остроумен”, “строг” и “добродушен”. Такая противоречивая характеристика одного и того же героя говорит

как раз о том, что живет Иван Ильич по заданной установке. На службе он один, дома другой. Но нигде нет истинного Ивана Ильича. Перед нами субъект, который живет по установке, навязанной извне.

Происходит смена должностей, а “Иван Ильич был таким же приличным, умеющим отделять служебные обязанности от частной жизни и внушающий общее уважение”. Перед нами эгоистически и бесплодно прожитая жизнь. Для того, чтобы герой мог это почувствовать, понять, автор ставит его в исключительные обстоятельства, дает возможность проявиться самым различным сторонам и качествам характера, чтобы увидеть героя другим, а не “таким же приличным”. Писатель понимает, что человек из дворянского общества, привыкший жить “приятно и прилично”, не мог без всякого повода извне вдруг изменить свои взгляды и свою жизнь. Нужны сильные потрясения, чтобы благополучный, пресыщенный барин вдруг увидел все в новом свете. И такое потрясение происходит в судьбе героя Толстого: роковая болезнь судьи Ивана Ильича. Писателя интересует человек не тогда, когда характер его сложился, а в самом процессе развития, в момент духовного пробуждения. “Главное, работа внутренняя, душевная и чтобы показана была не оконченная работа, а в процессе работы на самом деле”, — пишет он в Дневнике²¹.

Психологическое самовыражение Ивана Ильича начинает осуществляться в большей мере с того момента, как у него появляется способность к “научению”, в том числе через подражание. С этого момента герой приобрел, как уже было сказано, определенные привычки, умения и навыки, которые характерны для каждого в его обществе. Но оставшись один (по причине болезни), он замыкается на своих внутренних проблемах. Возникают расхождения между тем, каким он кажется окружающим людям (внешне благополучным), и тем, какой он есть на самом деле (внутренне конфликтным).

На этапе разрешения внутриличностного конфликта Иван Ильич постепенно отходит от общества. Развитие и самовыражение героя идут по пути формирования внутренних психологических структур личности, самоанализа прошлой жизни и поиска смысла жизни вообще. Самовыражение осуществляется в нравственном самосовершенствовании. Иван Ильич начинает неосознанно действовать. Он понимает, что отрешенность от реальной жизни вызвала равнодушие, пренебрежение к человеку: “...в самом деле вся моя жизнь, сознательная жизнь, была “не то”, что

“и его служба и его устройство жизни, и его семья, и эти интересы общества и службы — все это могло быть не то”.

Как и Головин, понимает это и Степан Касатский. Именно в тот момент, когда он вступает во взаимодействие с социальной средой, Толстой вводит в подтекст переживания героя. В условиях отсутствия новой ценностной системы, на основе которой можно было бы перестроить личность в целом и тем разрешить внутренние конфликты, сознание вынуждено прибегнуть к защитным механизмам, какими становятся сон, ангел и Пашенька.

Эта психологическая защита души Касатского не разрешает основного конфликта, а втягивает в зону его действия все новые и новые отношения, порождает целую сеть производных конфликтов, изменяя в конце концов весь душевный организм.

До грехопадения центральный конфликт — между идеей “быть над людьми” и совестью — постоянно пульсировал в сознании. Это была непрекращающаяся внутренняя борьба, которая велась всеми средствами сознания — рациональными (уход в монастырь, письмо старцу, письмо игумену, прием посетителей до изнеможения), бессознательными (сновидения), эмоциональными (эмоциональная динамика этого конфликта выражается в возрастании у героев чувства отвращения к своей идее и в появлении чувства облегчения по мере удаления от нее).

Толстой находит особые словесные формы для показа психологического самовыражения героев. И прежде всего это внутренние монологи, которые возникают на этапе, когда герой начинает осознавать, что для обеспечения самоуважения и самореализации нужна поддержка со стороны других, когда необходимо регулировать свои собственные эмоциональные состояния, делать выбор или отказываться от него.

Внутренние монологи отца Сергия приобретают новое содержание, они уже не только отображают все движения подсознательной жизни героя в настоящем, но в них запечатлены и воспоминания героя о своем прошлом (“вспомнил, сколько раз молился об этом раньше”, “вспомнил молитвы свои в первые дни затвора”, “вспомнил, как он был чист и отрубил себе палец”, “вспомнил, с каким умилением встретил старика, пьяного солдата и ее”, “вспомнил Софью Ивановну, отца Серафимона” и т.д.), они выражают также мечты и планы героя на будущее. В них определены этапы его развития, они служат главным средством индивидуализации характера, исследования процесса его развития, изображения переломных моментов, они объясняют критические минуты в жизни героя и его внутренние

противоречия (“Насколько то, что я делаю, для Бога и насколько для людей?” — вот вопрос, который постоянно мучил его и на который он никогда не решался ответить себе”). Внутренние монологи на этом этапе так сильно входят в сознание героя, становятся неотъемлемой частицей его жизни, что происходит слияние их со сновидением: “...он заснул. Но сон этот продолжался только мгновение; он тотчас проснулся и начинает не то видеть во сне, не то вспоминать”.

Введение сновидения как средства отражения духовной жизни — особенность психологического самовыражения героя. Изображение сновидений в творчестве Льва Толстого отличается глубокой психологической правдивостью. Они углубляют познание духовных и мыслительных процессов, происходящих в сознании человека, и одновременно оттеняют индивидуальные особенности его характера. Сон складывается из внешних впечатлений, перерабатываемых в подсознании спящих. Толстой всегда прослеживает связь и взаимодействие сна с внешними явлениями. Мысли, возникающие перед сном, влияют на содержание сна, они являются подготовкой ко сну.

Изображение сна Касатского выполняет разные функции: отражает переживания спящего (“...никогда не забыть этой ее кривой, доброй, покорной улыбки”), зарождение новых чувств и мыслей (“Иди к Пашеньке и узнай от нее, что тебе надо делать, и в чем твой грех, и в чем твое спасение”), дополняет его характеристику.

Сновидения героев позднего Толстого, в отличие от сновидений ранних произведений, сжаты, лаконичны, более эмоциональны и напряженны. Они свидетельствуют о принятии какого-то решения, становятся поворотным пунктом в смене деятельности и жизни (“Он проснулся.., обрадовался и решил сделать то, что ему сказано было в видении”).

Изображение внутреннего мира героев в процессе субъектно-объектных отношений позволило Толстому проникнуть в подлинную природу человека, показать содержание внутренней жизни его во всей ее сложности и противоречивости, в ее непрерывном развитии.

¹ См.: *Есин А. Б.* Психологизм русской классической литературы. М.: Просвещение, 1988. С.18.

² Там же. С. 12.

³ *Гинзбург Л. Я.* О психологической прозе. Л., 1971. С. 20.

⁴ *Резвицкий И. И.* Личность. Индивидуальность. Общество. М.: Политиздат, 1984. С. 31—32.

⁵ Там же. С. 38.

⁶ *Лебедев Ю.* Судьба человека и смысл его жизни в мироощущении Л. Н. Толстого // Литература в школе. 1991. № 1. С. 9.

⁷ *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Юбил. изд.: В 90 т. М., 1928—1958. Т. 53. С. 118.

⁸ Там же. С. 195.

⁹ Там же. Т. 55. С. 247.

¹⁰ Там же. Т. 53. С. 324.

¹¹ Там же. Т. 88. С. 166.

¹² Там же. Т. 53. С. 94.

¹³ *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1947. Т. 3. С. 246.

¹⁴ *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: Юбил. изд.: В 90 т. Т. 57. С. 181.

¹⁵ Там же. Т. 5. С. 196.

¹⁶ *Яковлева Е. Л.* Психология развития творческого потенциала личности. М.: Флинта, 1997. С. 100.

¹⁷ *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. Т. 3. С. 425.

¹⁸ *Толстой Л. Н.* Собр. соч.: В 22 т. М., 1978. Т. 12. С. 63. Примеры из художественных текстов приводятся по данному тому.

¹⁹ *Томашевский Б. В.* Теория литературы. Поэтика: Учеб. пособие / Вступит. ст. Н. Д. Тамарченко. Коммент. С. Н. Бройтмана при участии Н. Д. Тамарченко. М.: Аспект-Пресс, 1996.

²⁰ *Яковлева Е. Л.* Психология развития творческого потенциала личности. М.: Флинта, 1997. С. 100.

²¹ *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: Юбил. изд.: В 90 т. Т. 65. С. 195.

К. А. Нагина

“АНГЕЛ, РОЖДАЮЩИЙСЯ ИЗ ЗВЕРЯ.....”

К вопросу о природе человека в творчестве Л. Толстого

В настоящее время творчество позднего Толстого все чаще становится объектом самых разнообразных исследований: последнее десятилетие характеризует волна устойчивого внимания к религиозно-философским сочинениям писателя, его произведения 1880—1900-х гг. оказались в фокусе пересечения интересов философов, психологов, педагогов, богословов. Подобная тенденция вполне закономерна — к этому располагает не только творческое наследие Толстого, но и его житейская и духовная биография. Едва ли найдется в русской литературе другой такой писатель, который бы обладал столь страстным стремлением быть понятым, как Лев Толстой. Помыслы его были поистине дерзновенны и грандиозны — свои духовные открытия и прозрения великий художник мечтал сделать достоянием всего чело-